

прогресса представляет собою вѣдущую толчею безчисленныхъ явленій, неспособныхъ подойти подъ какое либо одно общее воззрѣніе, а частью и совершенно невоинныхъ.

Во всѣ эпохи, у всѣхъ народовъ и во всякой средѣ лицемѣріе безуміе и вообще преступныя явленія и дѣянія повторяются съ поражающимъ однообразіемъ. Наоборотъ самоотверженность и вообще добродѣтель, при своемъ случайномъ появленіи въ дѣтскихъ чело-вѣчества, зачастую одеваются въ странныя, а иногда и возмутитель-ныя формы. Вспомните только Курдія, въ порывѣ благороднѣйшихъ чувствъ бросившагося въ пучину или Манлія, не задумавшагося обез-главить своего сына за простое неповиновеніе.

Достойно вниманія, что и удивленіе и преклоненіе потомства—это позднее воздаяніе мученикамъ исторіи,—никогда не проявляется въ прямомъ количественномъ соотвѣтствіи съ истиннымъ величіемъ нѣкогда свершеннаго подвига. Въ памяти чело-вѣчества остается лишь то, что ослѣпляетъ и поражаетъ воображеніе массы. Поэтому имена

людей, научившихъ чело-вѣчество употребленію огня, впервые приру-чившихъ животныхъ или-же научившихся культивировать растенія навсегда останутся неизвѣстными; въ то-же время мы видимъ, что въ пантеоны чело-вѣчества открытъ свободный входъ шарлатанамъ, безумцамъ и кровопійцамъ.

Замѣчательно и то, что ошибки и заблужденія зачастую играли въ исторіи чело-вѣчества болѣе могущественную роль, нежели величіе души или знанія.

Извѣстно напр., что Христофоръ Колумбъ, олицетворяющійся легендой во образѣ борца за науку противъ суевѣрія и умственной